

Э.П. Риммер,
заслуженный работник культуры РФ,
главный специалист МБУК «Череповецкое музейное объединение»

В.В. Верещагин и ссыльные кавказские горцы в Череповце.

В.В. Верещагин – в своей книге «Детство и отрочество художника В.В. Верещагина», изданной в Москве в 1895 году, вспоминал: «Преинтересный молодой ссыльный из кавказских горцев, Коджа, ходил к нам это лето в городе, милый, добрый, только в битвах с комарами проявлявший свою азиатскую нетерпеливость и подвижность: «Убил? Кричал он, когда слышал, что кто-нибудь хлопнул комара – Убил. – «Ну, кажи, слава Бог!»(1).

Впрочем, и сам Верещагин, став взрослым и значительно полысев, вынужден был вести упорную борьбу с летающими насекомыми, постоянно оккупировавшими его лысину (2).

В связи с воспоминаниями художника о ссыльных горцах у нас возникают вопросы: «Когда это было? С чем связано появление кавказских горцев в Череповце?» И, самое главное, как выразился известный поэт-самоучка А.В. Кольцов, – «Каждый век вопрошает: «Чем кончилось дело?»

Прежде чем ответить на поставленные вопросы, вспомним, что в 1817-1864 годах шла длительная Кавказская война. Император Николай I стремился к водворению русской гегемонии на мусульманском Кавказе. Многочисленные племена Черкесии, Чечни и Дагестана, разобщённые и изолированные друг от друга, вели борьбу за свою независимость. Турецкий султан взял «черкесов» под свою защиту, и тем самым подтолкнул их на борьбу с Россией. В результате в октябре 1853 года началась Восточная или Крымская война(3), а в Череповецком уезде Новгородской губернии появились ссыльные жители Кавказа, обвинённые «в неблагонамеренности, укрывательстве беглых, и вообще как люди вредные в Белоканском округе»(4).

Русское правительство в своём стремлении занять «естественные границы», усмирить междоусобицы и конфликты в пограничных территориях, цивилизовать «отсталые» народы, ссылало несогласных с этой политикой жителей Кавказа вглубь России. «У нас ссылают преступников на каторгу, – писал В. Даль, – в крепостные работы, на поселенье в Сибирь, и на жительство, срочное или вечное в дальние губернии»(5). Такой дальней губернией для кавказских горцев стала Новгородская, в состав которой входили уездные города – Череповец и Кириллов.

В Государственном историческом архиве Новгородской области хранится дело: «О сосланных на жительство под надзор полиции в Череповский и Кирилловский уезды кавказских горцах, жителях селения Алиаскар Белоканского уезда». Датируется оно 1853-1857 годами.

Верещагин в эти годы учился в Морском корпусе в Петербурге, а лето проводил в Череповце и Череповецком уезде. В своих воспоминаниях художник писал: «Не мало было тогда расселено по северным городам кавказских горцев и их детей»(6). В Череповце, например, – продолжал Верещагин, – «было ещё несколько черкесенков, презлых, которых взяли к себе наши барыни, и которые при всяком случае проявляли свою дикую натуру, буквально по пословице: «как волка ни корми, он всё в лес смотрит»(7).

По распоряжению министра внутренних дел России в Новгородскую губернию были отправлены: Хаджи Абдула-Оглы (у Верещагина Коджа – прим. Э.Р.), Абдурахман Аидамир-Оглы, жена его Месейдер Гаджи-Омар-Кизи, сыновья Абдурахмана: Галиад, Мамазак и его жена. Но, как написано в деле, «жены сего последнего Айшы Янус-Кизи, – доставлено не было»(9). По прибытии в Новгород ссыльные были заключены в тюремный замок.

Новгородский полицмейстер Гаврилов в рапорте от 8 марта 1854 года «Его Превосходительству, исправляющему должность Военного губернатора и Новгородского Гражданского губернатора господину генерал-майору и Кавалеру Трофиму Ивановичу Москвину» докладывал: «На предписание Вашего Превосходительства от 1 марта ... имею честь донести, что согласно прежнего токового же от 29 июля 1853 года об отправлении прибывших из Воронежской полиции по этапу горцев: Хаджи Абдула-Оглы и сыновей Абдурахмана Галиады и Мамазака на жительство в г. Череповец, а Абдурахмана Айша Мир-Оглы и жену его Месейдер Гаджи-Омар-Кизи, в г. Кириллов, сообщено Г. Командиру Новгородского гарнизонного Баталиона 5 марта за № ... с отпуском потребного количества кормовых денег. О чём сделано уведомление в те городнические правления»(10).

В конце марта 1854 года стало известно о том, что жена горца Мамазака – Айша Янус-Кизи, – была отослана в Новгород 2 ноября 1853 года, согласно предписанию Г. Министра Внутренних Дел от 15 июня 1853 года(11).

В связи с прибытием горцев городническое правление Череповца в лице городничего Короткова и письмоводителя Юшкова 4 мая 1854 года написали рапорт на имя начальника Новгородской губернии.

В рапорте говорилось о том, что «назначенные под присмотр полиции в город Череповец горцы Хаджи Абдула-Оглы и сыновья Абдурахмана ... доставлены 3 числа сего месяца. Жена же Мамазака не доставлена. ... Она в столичном городе Москве померла. ... Доставленные же горцы пропитания себе совершенно снискивать не могут, ибо мастерства никакого не знают и по-русски весьма худо говорят и имеют от роду двое по 16 лет, а третий 5 лет». В заключение городническое правление просило снабдить их «начальственным предписанием», в котором указать, «из какой суммы производить присланным горцам кормовые деньги, а также и квартирные или квартиру отвести натурой, да к тому же они, как верхнего, так и нижнего платья не имеют»(12).

Для справки скажем, что кормовые деньги по словарю Владимира Даля означают содержание от казны, или деньги, выдаваемые на пищу. Квартировать – значит жить, стоять на квартире, занимать жильё в чужом доме, наймом или постоем.

На следующем листе – такой же рапорт от городничего г. Кириллова. Он пишет о том, что означенные люди по прибытии объявили ему, что они совершенно не имеют средств к своему пропитанию, и что он «со своей стороны никаких средств дать им способ к пропитанию» не предвидит. Городничий просил также перевести назначенного на жительство в г. Череповец 4-х летнего сына Галиад в Кириллов(13).

В августе 1854 года начальник Новгородской губернии предписывает череповецкому городничему отправить по этапу в г. Кириллов для совместного жительства с родителями находящихся в его городе под надзором полиции горцев Галиада и Мамазаку. Остающемуся в г. Череповце Хаджи Абдула-Оглы объявить о том, что «о назначении ему кормовых квартирных денег будет представлено Г. Министру финансов»(14).

На оборотной стороне листа помещено предписание кирилловскому городничему следующего содержания: «Предложив череповскому Городничему

находящихся во вверенном ему городе под надзором полиции горцев Галиада и Мамазака отправить по этапу в г. Кириллов для совместного жительства с их родителями, ... учредить за ними полицейский надзор»(15). 13 сентября 1854 года горцы Галиад и Мамазак из Череповца были доставлены в Кириллов.

Дальше в деле представлена переписка по поводу содержания ссыльных. Департамент Государственного казначейства Министерства финансов спрашивает военного губернатора г. Новгорода и новгородского гражданского губернатора, «по какому званию принадлежат высланные с Кавказа под надзор полиции горцы» (16). Такие же запрос отправляются в городнические правления Череповца и Кириллова.

В ответ на этот запрос череповецкий городничий Коротков сообщает: «Горец Хаджи Абдула-Оглы принадлежит к званию ... князей, как он пояснил» (17).

Такой же ответ дал и городничий г. Кириллова: «Черкес Абдурахман Айша-Мир-Оглы объявил мне, что он есть княжеского происхождения, жительство имеет на Кавказе в 15 верстах от города Закантала, где его дом и земля». (18)

Происхождением горцев занялся Департамент полиции Министерства Внутренних Дел. Им было установлено: «Жители Джаробелоканского округа Хаджи Абдула-Оглы, Абдурахман Айша-Мир-Оглы, мать его Нарьям, жена его Мейседер..., сыновья и жена Мамазака ... принадлежат к простому званию и не имеют собственных средств к содержанию»(19).

В связи с результатами расследования, министр финансов приказал новгородским властям предоставлять горцам, как это было оговорено ранее, арестантскую дачу. Казённая палата Новгородской губернии отправила предписания Череповецкому и Кирилловскому уездным казначействам – продолжать отпускать горцам арестантскую дачу, малолетним же из них в половинном размере(20). Кроме того, - говорилось в предписании череповецкому городничему, – «дать знать, что жена горца Мамазака – Айша Янус-Кизи умерла на пути в Москве»(21).

20 июня 1855 года статс-секретарь Его Императорского Величества сообщил новгородскому гражданскому губернатору о том, что находящийся с 1853 года в г. Кириллове Абдурахман написал всеподданнейшее прошение. В нём он объяснил, что он в преклонных летах, не может переносить северного климата, «и от того постоянно одержим болезнью», а потому просит о возвращении его с семейством на родину, или об увеличении содержания. В связи с этим статс-секретарь просит губернатора сообщить ему сведения о возрасте, семействе и образе жизни просителя. (22)

В июле 1855 года из Кириллова поступает сообщение о том, что «Абдурахман Айда-Мир Оглы лет 64,... ни в каких предосудительных поступках не был замечен, ведёт себя хорошо, а также жена его и дети». (Л.47) Мать Абдурахмана - Марьям, жена Айша умерли в 1856 году»(23).

Четырнадцатого июня 1856 года МВД России отправляет новгородскому губернатору известие о том, что в связи с высочайшим повелением разрешено возвратить на родину Абдурахмана Айда-Мир Оглы с женой его Мейседер Гаджи-Омар-Кизи и сыновьями: Галиадам и Мамазаком. (24)

На следующем листе дела имеется рапорт череповецкого городничего Короткова начальнику Новгородской губернии о том, что горец Хаджи Абдула-Оглы обратился к нему с просьбой «о возвращении на родину, так как в Кириллове», и что он «ведёт сам себя весьма хорошо и жители им весьма довольны»(25).

12 сентября 1856 года особая канцелярия МВД предписывает начальнику Новгородской губернии объявить «жителям Белоканского Округа 1) Хаджи

Абдула-Оглы, 2) Абдурахман Айша-Мир-Оглы, 3) Мейседер Гаджи-Омар-Кизи с сыновьями Мамазак и Галиад» о разрешении им вернуться на родину»(26). Лезгин Хаджи должен был вернуться в родное ему селение Элиаскар Тифлисской губернии Белоканского Округа.

28 января 1857 года череповецкий городничий Коротков пишет рапорт начальнику губернии о том, что «Горец Хаджи Абдула- Оглы болен, ...пешком в пути следовать не может, ...медицинское свидетельство, ...не благоугодно ли будет ... обывательской подводе выслать ему открытое предписание». (27)

В ответ на рапорт городничего из Новгорода пришло предписание «о передаче горца начальнику Череповской инвалидной команды». (28)

В конце дела помещён рапорт череповецкого городничего Короткова начальнику Новгородской губернии о том, что «горец ... передан ... начальнику инвалидной команды 18 мая 1857 года для отправления по принадлежности установленным порядком посредством этапа на место родины»(29).

Так закончились злключения горцев в Новгородской губернии. Василий Васильевич Верещагин в своих воспоминаниях заметил: «Наш Коджи провинился впрочем, тем, что ухаживал за гувернанткой Розалией, за что последняя была сменена»(30).

Исследователи творчества Верещагина пишут: «Верещагин был первым художником, открывшим русскому зрителю мир Востока». Это «было связано с геополитикой европейских государств, их интересами в сфере колониальных завоеваний, а в России также с обострением известного восточного вопроса»(31).

К этому хочется добавить тот факт, что интерес к культуре и своеобразиею Кавказа начался у Верещагина в детские годы. В рассказе «В Севастополе» художник писал о «смутных впечатлениях Крымской войны», воспринятых им «в очень юных годах. ... Сквозь официальные замалчивания о крымских неудачах проскальзывала, как мы замечали, и в обществе, и у наиболее интеллигентных из наших офицеров серьёзная забота о том, что будет дальше»(32).

Примечания:

1. Верещагин В.В. Детство и отрочество художника В.В. Верещагина. Том 1. М. 1895. С. 213.
2. Андреевский П.В. Воспоминания о В.В. Верещагине / Панорама искусств. 8. М. 1985. С. 124. «...крутой его лоб переходил в большую лысину, летом значительно страдавшую от мух, с которыми Верещагин вёл упорную, но почти и бесплодную борьбу. ...Мухи очень мешали ему во время работы; нередко Василий Васильевич бросал палитру и с остервенением начинал охоту с кожаной мухобойкой в руках».
3. История народов Узбекистана. Т. 2. Ташкент. 1947. С. 230.
4. ГИАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1296. «О сосланных на жительство под надзор полиции в Череповский и Кирилловский уезды кавказских горцах, жителях селения Алиаскар Белоканского уезда. 1853-57 г.г». Л.
5. Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М. 1994. С. 308.
6. Верещагин В.В. Детство и отрочество художника В. Верещагина. М. 1895. С. 213.
7. Там же: С. 213.
8. ГИАНО. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1296. Л. 1.
9. Там же: Л. 10.
10. Там же: Л. 13.
11. Там же: Л. 14.
12. Там же: Л. 16.

13. Там же: Л. 17.
14. Там же: Л.19.
15. Там же: Л. 19(об).
16. Там же: Л. 24.
17. Там же: Л.28.
18. Там же: Л. 29.
19. Там же: Л.30.
20. Там же: Л. 39.
21. Там же: Л.43.
22. Там же: Л. 45.
23. Там же: Л. 52.
24. Там же: Л. 54.
25. Там же: Л.л. 58-59.
26. Там же: Л.61.
27. Там же: Л. 64.
28. Там же: Л.65.
29. Там же: Л. 67.
30. Верещагин В.В. Детство и отрочество художника В.В. Верещагина. М. 1895. С. 213.
31. Шилова Екатерина. «Я всю свою жизнь... хотел писать солнце» // Василий Верещагин / Альманах. Вып. 493. 2017. К 175-летию со дня рождения. С. 7-8.
32. Верещагин В.В. «В Севастополе. Рассказ художника В.В. Верещагина». М. 1900. С. 1.